

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.16.1.0

ББК 83+83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165>

<https://elibrary.ru/TWCMLL>

© 2025. *Ольга Деханова, Михаил Деханов*
Москва, Россия

Скверный анекдот с шампанским

© 2025. *Olga Dekhanova, Mikhail Dekhanov*
Moscow, Russia

A Nasty Story with Champagne

Информация об авторах: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук, г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>

E-mail: Dh369@yandex.ru

Михаил Евгеньевич Деханов, нутрициолог-фармацевт, г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6245-3783>

E-mail: dekhanov@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья касается вопросов предметного комментария художественной прозы Ф.М. Достоевского. Особую область исследования представляет собой так называемый гастрономический язык. Любой гастрономический элемент — это культурный продукт. Он неизменно отражает и национальные, и религиозные, и социальные, и экономические, и прочие особенности общества конкретной исторической эпохи. Являясь результатом личного опыта, гастрономический элемент порождает определенный и общепонимаемый эмоционально-смысловой образ. Эта предметно-смысловая форма коммуникации используется в художественных произведениях для характеристики литературных персонажей или ситуации, в которой развивается действие. Она понимается и ощущается читателем ярче и глубже, чем это можно было бы сделать только словами. В настоящей статье разбирается роль шампанского в сатирическом рассказе Достоевского «Скверный анекдот». Для понимания скрытых от современного читателя смыслов в статье обсуждаются основные исторические этапы создания этого вина и его роль в культуре XIX века.

По частоте упоминаний в текстах Достоевского шампанское уступает только чаю. Рассказ Достоевского «Скверный анекдот» — в гастрономическом плане явление уникальное. Нигде более, ни в каком другом его произведении шампанское не становится настолько главным и значимым соучастником событий. Весь социальный и культурный диапазон этого вина, всё — от лучших образцов шампанских вин до дешевых суррогатов и все, связанные с ними смыслы и образы — всё сосредоточено в этом небольшом рассказе. Кроме того, анализ текста рассказа позволил выявить скрытое обращение Достоевского к образу Наполеона, дополняющее характеристику главного персонажа.

Ключевые слова: Достоевский, шампанское, история повседневности России.

Для цитирования: Деханова О.А. Деханов М.Е. Скверный анекдот с шампанским // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 144–165. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165>

Information about the authors: Olga A. Dekhanova, PhD in Pharmaceutical Sciences, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>

E-mail: Dh369@yandex.ru

Mikhail E. Dekhanov, nutritionist-pharmacist, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6245-3783>

E-mail: dekhanov@yandex.ru

Abstract: The article concerns the commentary on objects in Dostoevsky's fiction. A special area of research is the so-called gastronomic language. Any gastronomic element is a cultural product. It invariably reflects national, religious, social, economic, and other features of the society of a specific historical period. Being essentially the result of personal experience, the gastronomic element generates a specific and generally understood emotional-semantic image. This object-semantic form of communication is used in works of art to characterize literary characters or the situations in which the action takes place. It is understood and felt by the reader more vividly and deeply than words alone. This article examines the role of champagne in Dostoevsky's satirical work "A Nasty Story." To help modern readers understand the meanings hidden in the text, the article discusses the main historical stages of the creation of champagne and its role in 19th-century culture.

In terms of frequency of mentions in Dostoevsky's texts, champagne is second only to tea. Dostoevsky's "A Nasty Story" is a unique phenomenon in gastronomic terms. Nowhere else, in any of his other works, does champagne become such a major and significant accomplice in events. The entire social and cultural range of this wine, from the finest examples of champagne to cheap surrogates and all the meanings and images associated with them—everything is concentrated in this short story. In addition, the analysis reveals Dostoevsky's hidden appeal to the image of Napoleon which complements the characteristics of the main character.

Keywords: Dostoevsky, champagne, history of everyday life in Russia.

For citation: Dekhanova, O.A., and Dekhanov, M.E. "A Nasty Story with Champagne." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 144–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-144-165>

Одна из особенностей художественного стиля Достоевского — создание лаконичных предметных композиций (и, прежде всего, гастрономических), зримый образ которых всегда несет в себе скрытый смысл. Любой гастрономический элемент — это культурный продукт, который отражает все особенности общества конкретной исторической эпохи и потому раскрывает читателю суть происходящего или личность человека ярче и глубже, чем это можно было бы сделать только словами. Об этом художественном приеме Достоевский писал в рассказе «Скверный анекдот»: «Известно, что целые рассуждения проходят иногда в наших головах мгновенно, в виде каких-то ощущений, без перевода на человеческий язык, тем более на литературный» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 12].

Все вышесказанное тем более актуально для такого статусного, с четко обозначенными социальными свойствами вина, как шампанское. Если сравнивать частоту упоминания гастрономических реалий в текстах Достоевского, то первое место занимает чай, а за ним следует шампанское. Исключительно потому, что употребление шампанского и чаепитие — это действие, ритуал, привнесенный в русскую национальную культуру с уже заданными правилами, имеющий только один социальный вектор движения — сверху вниз. На этом пути и происходила его адаптация к социальным особенностям русской культуры и формирование того многообразия образов и смыслов, о значимости которых было сказано выше.

Сатирический рассказ Достоевского «Скверный анекдот» — в гастрономическом плане явление уникальное. Нигде более, ни в каком другом его произведении шампанское не становится настолько главным и значимым соучастником событий. Весь социальный и культурный диапазон этого вина, всё — от лучших образцов шампанских вин до дешевой шипучки и все, связанные с ними смыслы и образы — всё сосредоточено в этом небольшом рассказе.

Но для того, чтобы выявить особенности этой, гастрономической, формы коммуникации автора и читателя, необходимо хотя бы в общих чертах определить роль шампанского в русской культуре XIX века.

Тем более, что к настоящему времени в этом информационном поле накопилось значительное количество разного рода многократно тиражируемых мифов, которые можно встретить даже в серьезных исследовательских работах¹. Так, например, существует укоренившееся мнение, что шампанское, в нашем современном понимании, создал некий монах Периньон. Это не совсем так.

Весь многолетний, кропотливый труд Пьера Периньона в аббатстве Овилле (Hautvillers), начиная с 1668 года, был направлен не на создание игристых вин, а, наоборот, на борьбу с пузырьками. Он заложил все основы современного виноделия от исследований особенностей сортового районирования до принципиально нового в то время технологического приема — купажирование вин. Получение игристых вин было, скорее, побочным продуктом его исследований, так как более чем за 100 лет до его первых опытов игристые вина уже производились в регионе Лангедок в окрестностях Лиму в монастыре Сент-Элер.

---

¹ Один из самых популярных мифов — это то, что Луи Редерер изготовил свое знаменитое шампанское Cristal в бутылке хрустального стекла по заказу императора Александра II.

Дело в том, что в XIX веке во Франции было два основных шампанских дома Редерер — Louis Roederer (1809–1870), существовавший под этим именем с 1833 года, и Théophile Roederer (1843–1888), основанный в 1864 году.

Два предприимчивых виноторговца Леон и Гюстав Бузиг (Bousignes) из Страсбурга, решили воспользоваться репутацией уже известного дома Шампани, для чего был найден некий господин Теофиль Редерер, однофамилец. Использование известного уже имени на этикетке практически сразу вызвало судебные разбирательства. Однако, пока тянулись многочисленные тяжбы, торговая фирма Théophile Roederer сделала замечательный маркетинговый ход — зарегистрировала в мае 1876 года название Cristal Champagne, дизайн этикетки, а в январе 1878 года — ту самую, знаменитую бутылку из прозрачного стекла с плоским дном — «bouteilles à verre blanc et à fond plat» [Annales, 1888, p. 355–356]. И ни император Александр II, ни Луи Редерер здесь были совершенно ни при чем. Судя по многочисленным отзывам в газетах, шампанское действительно было прекрасного качества и пользовалось заслуженной популярностью, особенно в богемной среде. Однако, изнурительные для фирмы Théophile Roederer судебные процессы завершились в 1906 году полным приобретением всех прав на этот бренд домом Louis Roederer и шампанское Cristal навсегда осталось связанным с его именем. Используемая информация взята из материалов, предоставленных торговым домом Луи Редерер (Великие вина Шампани. Луи Редерер. Выдержки из Императорского тома, подаренного Е.В. Александру III, императору России по случаю Французской выставки в Москве. Новый периодический обзор, Январь 1892 г.) и из личной переписки с Florence Laurent, помощником директора по маркетингу и коммуникациям.

Еще до того, как Дом Периньон начал бороться с игристостью вина, английские виноделы, наоборот, уже весьма интересовались этой особенностью белых вин — становиться шипучими и игристыми после добавления в них сахара или патоки.

Этот необычный изысканный напиток был востребован исключительно в аристократической и богемной среде.

Но если «перфекционизм Дома Периньона завоевал шампанскому уникальное место как вину владык и дворцов по всей Европе», то именно «Николь-Барб Клико-Понсарден <...> нашла способ сделать шампанское праздничным вином всего мира» [Джонсон, 2004, с. 333].

Оккупационный быт русской армии и целеустремленный талант знаменитой Вдовы положили начало истории шампанских вин в России. Именно благодаря ее предприимчивости и ее вину урожая 1811 года («вино кометы») она самым решительным образом покорила в 1814 году Россию, а ее имя стало частью национальной культуры². О феноменальной популярности Клико во всех пределах Российской Империи писал В. Филимонов: даже там, где «Вот льдом окована Двина / Всё небо синее, луна / Взошла над чумом Самоедов <...> Вот эта жизнь в снегу людей, Между собак и медведей» неизменно присутствие «искры влаги ледяной / Вино кометное с звездой» [Филимонов, 1837, с. 92]

Начиная с первой партии вина изображение кометы на пробке и бутылке (сохранившиеся до наших дней) сразу стало узнаваемым логотипом ее торгового дома. Поэтому есть все основания полагать, что «вино кометы», упомянутое в романе «Евгений Онегин», не обязательно то самое, впервые ввезенное в Россию, урожая 1811 года, а может обозначать всего лишь марку шампанского.

После победы над Наполеоном шампанское было неизменным участником любой дружеской пирушки светской молодежи и военной аристократии, символом необузданной восторженной вольности.

² Знаменитый автор «Истории Шампани» (1882) Генри Вицетелли сделал едкое замечание о переходе русских на шампанское: «Можно сказать, что этим впрыскиванием игристого вина в замороженную империю царя датируется ее приобщение к цивилизации, вернее, самому верхнему ее слою. Если бы Петр Великий предпочел шампанское зерновому бренди, страна давно уже была бы европеизована» [Джонсон, 2004, с. 334].

После событий на Сенатской площади и практически все время правления Николая I к шампанскому, как косвенному соучастнику памятных событий, долгое время относились сдержанно. Но сдерживать игристое вино, которое вырвалось из бутылки, невозможно. Оно, со всеми своими аристократическими манерами, уже прочно вошло в русскую национальную культуру. И, прежде всего, как эталон роскоши. Вот, например, описание обеда по случаю дня рождения Клары Олсуфьевны, который «отзывался чем-то вавилонским в отношении блеска, роскоши и приличия, с шампанским-кликко, с устрицами и плодами Елисеева и Милютиных лавок» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 128].

И тут же — панегирик «шампанскому-кликко» — «Я изобразил бы вам старшего из гостей, <...> поднявшего над головою заздравный бокал с искрометным вином, — вином, нарочно привозимым из одного отдаленного королевства, чтоб запивать им подобные мгновения, — вином, более похожим на божественный нектар, чем на вино» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 128–129].

«Божественный нектар» в данном случае — это не метафора, а реальность.

В своих воспоминаниях «Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия» Н.В. Давыдов писал, что в то время «сухих сортов еще не водилось» [Давыдов, 1964, с. 37].

Автор монографии «История вина» Хью Джонсон полагает, что «Одной из причин, по которой русские так влюбились в “Кликовское”, как они его называли, было то, что вдова делала его чрезвычайно сладким» [Джонсон, 2004, с. 335].

Практически всю первую половину XIX века количество добавленного в вино сахара соответствовало национальным предпочтениям страны-импортера. «Если сравнивать количество сахара на литр, то во Франции это было 165 граммов, для Германии добавляли немного больше, <...> а русским подавай от 250 до 330 — какой же липкой была туфелька актрисы? <...> эксцентричная Англия требовала всего 22–66 <...> Для сравнения, эти цифры для сегодняшнего сладкого шампанского могут доходить до 50 граммов» [Джонсон, 2004, с. 339–340]. Именно в «эксцентричную» Англию, начиная с 1850-х годов многие дома Шампани стали поставлять более сухие вина. Но принципиальный перелом в создании несладких вин обязан урожаю 1865 года, совершенно исключительному по своим

климатическим условиям. Это было то самое жаркое лето, которое оставило свой след в романе «Преступление и наказание».

Однако всем социальным слоям общества свойственно желание почувствовать себя хоть немного аристократами. И уже к середине XIX века российские виноторговцы стали удовлетворять растущий спрос более дешевыми и доступными аналогами. От газированных вин Ланина³ до продуктов отечественного виноделия. Самым знаменитым из российских игристых вин XIX века было сладкое, красное игристое казачье вино из донской станицы Цымлы. Цимлянское (Донское) оставило не менее яркий след в русской литературе, чем вина Клико.

Донским патриотично восторгается В. Филимонов в своей гениальной гастрономической поэме «Обед»: «И вот запенилось родное, / вино под якорем Донское» [Филимонов, 1837, с. 96].

Цимлянское подают в доме Лариных: «Да вот в бутылке засмоленной, / Между жарким и бланманже, / Цимлянское несут уже» [Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 98]. Его с удовольствием употребляют в романе «Дубровский»: «Несколько бутылок горского и цимлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее» [Пушкин, 1977–1979, т. 6, с. 179].

Его упоминали Некрасов («Кому на Руси жить хорошо»), Тургенев («Несчастливая»), Лермонтов («Тамбовская казначейша») и многие другие, в том числе и Достоевский в романе «Преступление

³ Московский купец Николай Петрович Ланин был известным производителем газированных вод на основе натуральных фруктовых соков. Имя Ланина встречается в письме Достоевского к А.П. Милукову в июле 1866 года: «Мой номер у Дюссо, хотя и был весьма недурной, походил на русскую печку, в то время как выметут *под* и начнут в нее сажать хлебы. Тут никакой квас и никакая вишневая и грушевая *вода* Ланина не могли помочь» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, с. 165]. Со временем на заводе Ланина помимо воды и фруктовых соков начали газировать и вино. Так появилось известное на всю Россию Ланинское шампанское. Согласно «магазинному Прейс-куртанту» 1863 года из фондов Красноярского краеведческого музея (учетный номер КККМ КПД 3514/2. Номер в Госкаталоге: 6439611) бутылка шампанского Клико или Редерер стоила 4 руб. 25 коп., а бутылка ланинского — около 2 рублей [Гиляровский, 1989, с. 331]. В рассказе «Вечный муж» со слов служанки Мавры мы узнаем, что Трусоцкий «за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 53]. «Синяя бумажка» — это пятирублевая ассигнация. И это значит, что Трусоцкий пытается сохранить хотя бы видимость былой жизни, напиваясь исключительно шампанским, так как «до водки еще черед не дошел-с» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 44].

и наказание»: Заметов, «соскандалит что-нибудь на французский манер в неприличном заведении, за стаканом шампанского или донского» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 408].

Однако помимо благородного Донского и незатейливого, но добротного Ланинского, в российском обиходе существовало и горское.

В рассказе «Скверный анекдот» как примета «совершенно разночинной компании», упоминается «горское»: «Для тостов же прочим гостям предназначалось горское или что попало» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 30].

«Горское», оно же чихирь, оно же кизлярское вино — это красное или белое вино, производимое в то время на Кавказе и в Астраханской губернии. Местное вино самого разного качества. Но особой популярностью у торговцев Макарьевской ярмарки пользовались дешевые, так называемые, «недоброды». Их укрепляли, подкрашивали, добавляли всякие приправы и делали всевозможные импортные «портвейны, мадеры и лиссабонские». А в газированном виде оно продавалось как дешевая шипучка, но с красивой этикеткой. Поэтому смысловое употребление в литературных текстах горского или чихиря весьма пластично.

В романе «Дубровский» Пушкин иронично-снисходительно ставит в один ряд качество горского и цымлянского, так как в его социальной среде понятие «шампанское» исключало какие-либо компромиссы.

Достоевский в своей личной жизни был не менее щепетилен в отношении качества шампанского⁴, но вот для его литературных персонажей — всё, что не шампанское тоже имеет свою градацию и последнее место занимает «горское», равносильное «что попало».

Однако, незыблемо, вне зависимости от сословной принадлежности, из всех ритуалов и правил, связанных с употреблением шампанского или любого другого игристого вина, сохранилось главное — оно должно быть холодным.

---

⁴ Достаточно обратиться к воспоминаниям С.Д. Яновского о дружеских застольях в Hôtel de France в 40-х годах. Меню всегда составлял сам Федор Михайлович. Каждому участнику, и исключительно для спичей, полагалось по два бокала шампанского. Федор Михайлович ужасно гордился, что хороший обед запивается «шипучкою, и притом настоящею» [Яновский, 1990, с. 236].

В речевой практике городского среднего класса середины XIX века (и особенно в купеческой среде) это условие приобрело уменьшительно-ласкательную форму — «холодненькое».

Во фразеологическом словаре Михельсона «холодненькое» — иносказательное название шампанского, «которое пьется более или менее замороженным» [Михельсон, 1912, с. 961].

Обед в захолустном Медвежьем углу для городского начальства: «давай холодненького. А “холодненькое” означает шампанское, подавай бутылочку в три целковых» [Мельников, 1963, т. 1, с. 154].

«Изредка раздается хлопанье пробки от холодненького — это значит сделку покончили» [Мельников, 1963, т. 4, с. 130].

«Холодненького бутылочку, — приказал Василий Петрович. — Заморозить хорошенько, — прибавил Никита Федорыч. — Редеру прикажете али клико? — Клику давай, <...> Оно, слышь, забористее» [Мельников, 1963, т. 4, с. 305].

В романе «Униженные и оскорбленные» Маслобоев обращается к мадам Бубновой: «Нет, вы нас принимайте получше. Мы у вас холодненького выпьем, да машерочек нет ли?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 274].

Достоевский достаточно часто использует указания на нарушение общепринятых правил как негативную характеристику персонажа или ситуации. Это может быть несвежая одежда, грязные руки, особенности костюма и прочее⁵. И теплое шампанское — это одно из них.

В романе «Братья Карамазовы»: «Шампанское принесли! — прокричал Раkitин, <...> Э-эх; и того не сумели сделать, — прибавил он, разглядывая шампанское. — В кухне старуха разлила, и бутылку без пробки принесли, и теплое. Ну давай хоть так. Он подошел к столу, взял бокал, выпил залпом и налил себе другой. — На шампанское-то не часто нарвешься, — проговорил он, облизываясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 317].

В рассказе «Вечный муж»: «Комната была в беспорядке, кровать не убрана, платье раскидано, на столе стаканы с выпитым кофеем, крошки хлеба и бутылка шампанского, до половины не допитая, без пробки и со стаканом подле. — Неужто вы пьете это теперь? — указал Вельчанинов на шампанское. — Остатки-с... — сконфузился Павел

⁵ Подробнее об этом см.: [Деханова, 2024, с. 16–25].

Павлович. — Ну переменялись же вы!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 31].

В романе «Униженные и оскорбленные» представлен самый отвратительный натюрморт с шампанским: не только теплое, но и весьма сомнительного качества вино, ром из того же «национального погребка» и отвратительного вида такая же «поддельная штабс-офицерка». Перед Сизобрюховым «на столе стояли две бутылки теплого шампанского, бутылка скверного рому», «напротив Сизобрюхова, сидело отвратительное существо лет сорока и рябое <...>. Это была штаб-офицерка, очевидно поддельная. Сизобрюхов был пьян и очень доволен», а реплика Маслобоева еще более сгущает негативное впечатление: «Ишь, шампанское называется! — На кислые щи похоже»⁶ [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 275].

И, наконец, последнее. Одна из гастрономических особенностей художественных текстов Достоевского — это фиксировать внимание читателя на количестве выпитого. Прежде всего, это касается шампанского.

Еще Пушкин, восхищаясь красотой мельчайших пузырьков углекислого газа, тех самых, что в воздушном белом облаке взлетают в бокале, обещая вечный праздник, небезосновательно предполагал их коварство, называя эту пену «угарной»: «Кубок янтарный / Полон давно — / Пеной угарной / Блещет вино» [Пушкин, 1977–1979, т. 1, с. 197].

И действительно, никакое другое вино не вызывает так стремительно такое возбужденно-восторженное состояние и непреодолимое желание говорить, восклицать, двигаться, не порождает такие неожиданные ассоциации.

«Большой огонь по ночам всегда производит впечатление раздражающее и веселящее; на этом основаны фейерверки; но там огни располагаются по изящным, правильным очертаниям и, при полной своей безопасности, производят впечатление игривое и легкое, как после бокала шампанского» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 394].

---

⁶ Кислые щи — это разновидность сильногазированного хлебного кваса. Сброженное сусло дображивает в запечатанных бутылках, а потом на три дня опускается в холодный погреб. С точки зрения технологии — можно сказать, что это национальная микроверсия метода шампанизации. Очень популярный в XIX веке напиток. Так, например, у Гоголя день Чичикова «был заключен порцией холодной телятины, бутылкой кислых щей и крепким сном во всю носовую завертку» [Гоголь, 1951, с. 12].

Или, например: «Водевиль — дитя французской жизни, французского юмора, французского остроумия, легкого, но грациозного, игривого так, как шипучая пена шампанского» [Белинский, 1991, с. 133].

Достоевский, еще в молодые годы, ощущая серьезность своей неврологической проблемы, был чрезвычайно мнительным в отношении здоровья, выпивал не более четверти бокала. Правоту его интуитивной осторожности подтвердили события, связанные с обычаем свадебных визитов к родственникам и непременно их участником — шампанским.

Анна Григорьевна вспоминает: «За всю остальную жизнь я не выпила столько бокалов шампанского, как в эти десять дней. Подобные поздравления имели печальное последствие <...> с Федором Михайловичем случились в один и тот же день два припадка эпилепсии». «Доктора объяснили <это> чрезмерным возбуждением, которое было вызвано шампанским» [Достоевская, 1981, с. 123–124].

Вероятно, именно это неоднократно пережитое состояние возбуждения, таящего в себе опасность и тьму, этот личный опыт и лег основу того необычного художественного приема Достоевского, о котором мы говорили выше. Количество выпитого как некая черта, за которую не следует переходить (а именно — 3 бокала), имеет непосредственное отношение к стихотворению Пушкина «Бог веселый винограда». Первые три чаши испиваются за любовь, за здоровье, за друзей, а «Мудрый после третьей чаши / Все венки с главы слагает / И творит уж возлиянья / Благодатному Морфею» [Пушкин, 1977–1979, т. 3, с. 233]. Стихотворение это по мнению исследователей написано по французскому переводу Ж.-Б. Лефевра сочинения древнегреческого поэта-философа Евбула из сборника «Пир мудрецов»: «Три чаши смешиваю я для умеренных, одну — за здоровье, которую опустошают первой; вторую — за любовь и наслаждения, третью — за сон. Когда сия чаша выпита, мудрые гости отправляются восвояси» [Джонсон, 2004, с. 46]. Далее следует перечисление всевозможных неприятностей и безобразий вплоть до десятой чаши.

Эта граница — три бокала шампанского, возникает в художественных повествованиях Достоевского как негативная характеристика персонажа и как предвестник некой драматической развязки событий, вызывая у читателя ощущение тревожного ожидания еще до того, как всё будет рассказано словами.

Повесть «Дядюшкин сон». Молодящийся князь у Натальи Дмитриевны «выпил три бокала шампанского. За обедом он выпил

еще и закружился окончательно» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 338], затем у Марьи Александровны «старичок с шести бокалов как-то весь раскис и некрепко держался на ногах. Зато болтал без умолку» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 341]. И главной темой этой болтовни стало плотоядное внимание князя к заманчивым формам молоденьких девочек: «такая ловкая, и у ней тоже... такие формы... формируются. Ми-лень-кая такая! и другая, что с ней танце-ва-ла, тоже... формируется... <...> Говоря это, князь с какою-то возрастающею жадностью рассматривал Зину в лорнет <...> тая от наслаждения» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 342].

Роман «Идиот». Настасья Филипповна, которую уже познабливает от тревожного ожидания Рогожина с деньгами: «В странных же, иногда очень резких и быстрых выходках Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечером выпьет три бокала, в ее истерическом и беспредметном смехе, перемежающемся вдруг с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 119].

Чахоточный юноша Ипполит в болезненно-лихорадочном состоянии выпивает три бокала, чтобы успеть до рассвета прочесть свою исповедь и покончить жизнь самоубийством.

Роман «Подросток». На обеде в компании с мошенниками Аркадия дружески предостерегают: «С вас довольно и трех бокалов» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 350]. Но три бокала были выпиты и у него «так звенело в голове от трех бокалов и двух рюмок хересу» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 355], что он как-то против воли оказывается за грязным столиком в лавке, за бокалом шампанского, в искустельном разговоре с Ламбертом, «дрожа от злости и машинально всё хлебая вино» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 357].

Но более всего бокалов шампанского выпивается в рассказе «Скверный анекдот».

Но прежде, чем мы перейдем к разбору гастрономического языка этого небольшого рассказа, подведем итог всему сказанному выше, имеющему к этому рассказу самое непосредственное отношение.

Употребление шампанского — это действие, один из элементов этикета, свода негласных правил, определяющих социальную принадлежность. Значение имеет здесь и качество шампанского (вспомним иронию Пушкина по поводу цимлянского и горского), и правила его подачи, главное из которых — оно должно быть холодным. Сюда непременно следует добавить и умеренность: «употребляйте

с осторожностью вина и спиртные напитки; умеренность сохраняет человеку здоровье, кроме того ее предписывает нам чувство собственного достоинства» — наставляли правила хорошего тона XIX века [Правила, 1889, с. 67].

Практически в самом начале рассказа «Скверный анекдот» Достоевский размещает самый бонтонный натюрморт с шампанским: «Три почтенных мужа» генеральских чинов «сидели <...> вокруг маленького столика, каждый в прекрасном, мягком кресле, и между разговором тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тут же на столике в серебряной вазе — со льдом» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 5]. В этой неспешной беседе и завязывается главная интрига рассказа — выдержат ли в реальной жизни «доблестные сыны отечества» возвышенный пафос своих либеральных идей или это всего лишь модное увлечение, за которым нет и не может быть никаких реальных действий. И определяется главный герой рассказа, должный ответить на этот вопрос.

Предоущение неизбежности его провала выстраивается для читателей тут же, возле бутылки шампанского «в серебряной вазе — со льдом». Так как именно с нее Достоевский начинает свой роковой отсчет бокалов выпитого вина.

Иван Ильич успел уже прослыть в своих кругах «отчаянным либералом, что очень ему льстило. В этот же вечер, выпив бокала четыре, он особенно разгулялся» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 8].

«Иван Ильич горячился и в жару воображаемого спора чаще, чем бы следовало, пробовал из своего бокала. Тогда Степан Никифорович брал бутылку и тотчас же добавлял его бокал» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 8]. Это незаметное «добавление бокала», исключая возможность контролировать количество выпитого, будет и далее сопутствовать Ивану Ильичу.

Выйдя на улицу, Иван Ильич отдавал себе отчет, что «был пьян». Он «был человек непьющий, и потому какие-нибудь пять-шесть бокалов скоро подействовали» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 10].

Здесь следует заметить по поводу неопределенности «пять-шесть бокалов». Достоевский всегда точен в деталях, особенно в привычных узнаваемых деталях повседневности. В рассказе «Вечный муж» «Павел Павлович <...> налил себе четвертый, последний стакан из бутылки» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 53], что соответствует реальному объему бутылки шампанского и среднему объему стакана —

в пределах 200 мл. Средний объем шампанского в бокале 100–110 мл. Из этого следует, что «в жару воображаемого спора» Иван Ильич незаметно для себя выпил более половины бутылки, оставив своим почтенным сослуживцам разве что по бокалу. Оставим в стороне правила благопристойности, так как принцип «трех бокалов» уже начал действовать.

Пребывая в «несколько эксцентрическом» самолюбовании из-за возбуждающего действия шампанского, Иван Ильич решает совершить весьма амбициозный поступок — восторжествовать над своими недавними оппонентами, «ретроградами» и «старыми колпаками». Однако объекту его «нравственных объятий» отводится вполне ощутимая социальная дистанция: «но я только выпью бокал, поздравлю, а от ужина откажусь. Скажу: дела. <...> Этим я деликатно напому, что они и я — это разница-с. Земля и небо» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 14].

И действительно — разница очевидна: «Бутылка шампанского стояла перед одним генералом <...>. Для тостов же прочим гостям предназначалось горское или что попало» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 30].

И даже то, что в этой непривычной для Ивана Ильича социальной среде шампанское «было теплое» и в его понимании «гадость естественнейшая» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 25], не останавливает его возвышенных патетических стремлений: «Мы все кричим о гуманности, но героизма, подвига мы сделать не в состоянии» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 13]. В доказательство тому, что «выдержит», он «с чувством выпил бокал, счетом седьмой в этот вечер» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 21] и «протянул Аким Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. <...> Генерал торжествовал; всё было спасено» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 17].

Но задуманный Иваном Ильичом пафосный отеческий монолог о «нравственной цели» своего визита не клеился, и «шампанское послужило выходом <...> Он прихлебнул, и все-таки оно показалось лучше, чем так-то сидеть» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 25]. Речь его приобретала всё более характерные особенности сильного опьянения — он говорил «с расстановками и ударениями <...> Генерал в некотором замешательстве поспешил еще раз отхлебнуть из бокала, а Аким Петрович, как будто всё спасение его было в этом, схватил бутылку и подлил снова» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 25]. И это незаметное «добавление бокала» продолжается снова и

снова: «в рассеянности он неприметно, но поминутно прихлебывал из бокала. Аким Петрович тотчас же и усерднейше ему подливал» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 26].

Но главное испытание Ивана Ильича было впереди. Его посадили за стол «и опять непочатая бутылка шампанского очутилась перед его прибором. Стояла закуска: селедка и водка. Он протянул руку, сам налил огромную рюмку водки и выпил. Он никогда прежде не пил водки» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 28]. И «рюмка водки, выпитая вслед за шампанским» оказала «немедленно действие» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 29].

Здесь уместно вспомнить один замечательный гастрономический натюрморт Достоевского. Разумихин приглашает Раскольникову на новоселье. На вопрос Раскольникова «Что ты там устроил?» Разумихин отвечает: «Да ничего, чай, водка, селедка. Пирог подадут: свои соберутся» [Достоевский 1972–1990, т. 6, с. 103]. Короткая реплика, устанавливающая полное отсутствие каких-либо конфликтов, потому что «свои соберутся» подкреплено не менее «своей» традиционной мужской закуской самого разночинного общества — «водка-селедка».

В рассказе «Скверный анекдот» эта же гастрономическая пара вступает в яростный социальный конфликт с шампанским. «Человек-шампанское в серебряном ведре со льдом» никогда не сможет найти общий язык с «обществом водка-селедка».

Иван Ильич «чувствовал, что как будто катится с горы, летит, летит, летит, что надо бы удержаться, уцепиться за что-нибудь, но нет к тому никакой возможности» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 28]. Не помогает даже стакан шампанского (как проскользнувшее воспоминание о том, «что они и я — это разница-с»), «который Иван Ильич хоть и налил было себе, но не хотел пить, и вдруг выпил как-то совершенно нечаянно» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 31].

Сбылось предсказание мудрого Степана Никифорыча — «Не выдержим».

Но вот в романе «Бесы» это «хождение в народ» Степана Трофимовича завершается бесконфликтно ко всеобщему удовольствию. В начале «странным и ужасно чем-то чуждым показался ему деревенский вид» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 484]. «Да как же это возможно», — прошептал он в глубоком и пугливом недоумении, однако вошел в избу» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 485]. Но вот он угощает бабенку-попутчицу рюмкой водки, и она «законфузилась и

стала было отнекиваться, но, высказав всё предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, <...> отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу. <...> “Я в совершенстве, в совершенстве умею обращаться с народом, и я это им всегда говорил”, — самодовольно подумал он» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 486].

Однако функция шампанского в «Скверном анекдоте» не ограничивается только социальным конфликтом.

Размер более, чем скромного заработка «маленького чиновника рублях на десяти в месяц жалованья» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 12] звучит рефреном на протяжении всего рассказа.

Еще пока Иван Ильич топтался на улице, мечтая о подвигах, победах и гуманизме, он трижды упоминает скромный заработок своего подчиненного, «регистратора, на десяти рубльях» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 13] «Ведь он десять рублей в месяц жалованья получает!» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 14]. «Когда, месяцев пять до женитьбы, Пселдонимов, целый уже год погибавший в Петербурге, получил свое десятирублевое место, он было воскрес и телом и духом, но вскоре опять принизился обстоятельствами» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 35].

И, наконец, пьяный сотрудник «Головешки» констатирует суть скверного происшествия: «Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 34].

И только после этого обличительного монолога Достоевский называет читателям марку шампанского. Следует отметить, что Достоевский в своих художественных произведениях, никогда не упоминает никаких марок шампанского. Кроме, пожалуй, шампанского Клико как символа роскоши в повести «Двойник». И вдруг именно в «Скверном анекдоте» — четкое указание — «джаксон». «Иван Ильич не знал, чего стоили две бутылки джаксона, выпитые им в этот вечер» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 38].

Читатели-современники Достоевского это знали — две бутылки шампанского Джаксон (*Jacquesson*) стоили в то время около 9 рублей — и, вероятно, оценили наглядность сравнения⁷.

---

⁷ В Примечании 3 приведена стоимость шампанского Клико и Редерер на 1863 год. Она составляет 4 руб. 25 коп. за бутылку. Указание марки шампанского («джаксон») определяет для современников Достоевского его категорию (дорогое французское шампанское, такое же как Клико, Редерер или Моэт) и, соответственно,

Но «джаксон» — это не только наглядная социальная арифметика. Для этого не обязательно было называть его марку. Появление именно этого шампанского в рассказе не случайно. Его название связано с именем Наполеона.

Торговый дом *Jacquesson & Fils* был основан в 1798 году. При высокой конкуренции каждая винодельня пыталась найти возможность улучшить качество вина и сделать его узнаваемым. И такая хитрость была найдена. В 1809 году винодельню *Jacquesson* посетил Наполеон и вино ему настолько понравилось, что торговая марка *Jacquesson* была награждена золотой медалью за качество.

Не другу детства Жану-Реми Моэту, но именно торговому дому *Jacquesson & Fils* была заказана партия вина по случаю бракосочетания императора с Марией-Луизой Австрийской. А красочный рекламный плакат тех времен гласил, что «Великий император всегда спрашивал у своего верного мамелюка Руста́на любимое шампанское *Jacquesson & Fils*».

Имя Руста́на дважды повторяется в фантастическом рассказе генерала в романе «Идиот», в романе, который буквально перенасыщен обращением к имени Наполеона. Всё, от возвышенной драмы стихотворения Пушкина «Наполеон» до книги «Шарраса о Ватерлооской кампании», в которой «проглядывает на каждой странице радость в унижении Наполеона» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 415], все диалоги персонажей, упоминающие какие-либо события его жизни, — всё говорит о пристальном внимании Достоевского к этой исторической личности⁸. «Потому что тогда все, несколько лет сряду, только и кричали о нем. Мир был наполнен этим именем» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 413]⁹.

его цену. Цена, естественно, могла колебаться в зависимости от места продажи. Мы указываем стоимость двух бутылок — «около 9 рублей», так как для текста рассказа важна не абсолютная, а относительная стоимость этих двух бутылок как сопоставление с «десятирублевым жалованьем».

⁸ Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне комментировался самым широким кругом исследователей. Однако наиболее полная картина современного состояния изучения наполеоновского мифа в романе «Идиот» и в творчестве Достоевского в целом представлена в работах Н.Н. Подосокорского, таких, например, как: [Подосокорский, 2009], [Подосокорский, 2010], [Подосокорский, 2023], [Подосокорский, 2025].

⁹ В романе «Идиот» есть один эпизод, имеющий самое непосредственное отношение к сочинениям Феофила Матвеевича Толстого. Помимо сохранившихся его писем к Достоевскому (1861) о возможности публикации во «Времени» его драмы «Пасынок», высказываются предположения о возможности их личных встреч. Но тема эта не затронута современными исследователями. Эпизод, о котором идет

«Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» замечает Порфирий Петрович Раскольникову [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 204]. (Замечательно, что точно так же — Порфирием Петровичем, зовут и Пселдонимова.)

Наполеоновским мечтаниям о собственном величии предавался и Иван Ильич: о том, что он «будет не только сановником, но даже

речь, касается разговора Ипполита и Бахмутова по поводу истории доктора и его несчастного семейства: «От вашего дяди тут так много зависит, и притом мы, Бахмутов, всегда были врагами, а так как вы человек благородный, то я подумал, что вы врагу не откажете, — прибавил я с иронией. — Как Наполеон обратился к Англии! — вскричал он захохотав» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 334]. В комментариях к роману поясняется: «После поражения при Ватерлоо и вторичного отречения от престола Наполеон в 1815 г. собирался бежать в Америку, но вследствие блокады английской эскадрой порта Рошфор был вынужден вступить в переговоры со своими врагами — англичанами — и был отправлен на остров св. Елены» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 450].

Однако, если мы обратимся к рассказу Ф.М. Толстого «Двукратное проклятие Наполеона Первого» (Санктпетербургъ, 1855), то обнаружим там более интересную и лаконичную версию. Понимая безвыходность своего положения, Наполеон пишет Принцу-Регенту Англии: «Подобно Фемистоклу, водворяюсь у очага британского народа, отдаю себя под покровительство его законов, которого и прошу у Вашего Королевского Высочества, какъ у самого могущественнаго, самого *постояннаго*, самого *великодушнаго* изъ моихъ враговъ» [Толстой, 1855]

Кроме того, обращает на себя внимание еще один эпизод из фантастического рассказа генерала Иволгина о записи, сделанной Наполеоном в альбом его трехлетней сестры («Ne mentez jamais! Napoleon, votre ami sincère»). («Никогда не лгите! Наполеон, ваш искренний друг» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 417]. Комментарии к этому эпизоду отсутствуют. Однако, если мы обратимся к роману Ф.М. Толстого «Болезни воли» (1859, Русский вестник), то сможем прояснить возможное происхождение этой фразы. Трагедия главного героя романа состоит в том, что еще в малолетстве он как-то особенно глубоко, искренне и болезненно усвоил «мысль о священной обязанности говорить всегда правду» и этому правилу следует всю жизнь. «Безуспешность борьбы довела пылкого и впечатлительного молодого человека сначала до отчаяния, а потом и до сумасшедшего дома» — отмечал Д.И. Писарев в своей статье «Образованная толпа» [Писарев, 2000–2013, т. 9, с. 40]. Статья, посвященная выходу двухтомного собрания сочинений Ф.М. Толстого (1866), была опубликована в журнале «Дело» (1867). Писарев высоко оценил этот роман, указывая на актуальность и своевременность поставленного автором вопроса: «Душевные болезни отличаются от многих других человеческих недугов тем, что в них есть одна сторона, интересная не только для медика-специалиста, но и для всякого образованного человека, способного задумываться над явлениями общественной жизни» [Писарев, 2000–2013, т. 9, с. 34]. В том числе и о роли личности преступника при вынесении ему юридического наказания. Всё то, что волновало и Достоевского. Рецензия Писарева настолько подробно разбирает и сюжет, и главную его идею, что даже без обращения к первоисточнику она могла бы дать импульс к созданию концепции характера главного героя романа «Идиот».

государственным мужем, которого долго будет помнить Россия. Даже мерещились ему подчас монументы» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 7], «и назавтра в канцелярии мой подвиг уже известен»; «повсеместную популярность приобрету... У всех в сердцах буду напечатлен» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 15]. «Он сошел с мостков и твердыми шагами прямо направился через улицу в дом своего подчиненного. Звезда увлекала его» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 15]. Это мистическое отношение Наполеона к звезде-комете, отметившей и его рождение и его смерть, было общеизвестно. Суеверность Наполеона упоминается и в рассказе генерала в романе «Идиот».

Аркадий в романе «Подросток» так же, как и Иван Ильич упоминает эту путеводную звезду своего «стыда и позора»: «“А что ж, падать так падать; не упаду же, выведу! У меня звезда!” Я шел по тоненькому мостику из щепок, без перил, над пропастью, и мне весело было что я так иду; даже заглядывал в пропасть. Был риск и было весело» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 163–164].

Эти же чувства испытывает и господин Голядкин, «двигаемый тою же самой пружиной, посредством которой вскочил на чужой бал непрощенный» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 133]. Как и Иван Ильич, он «ясно видел, что настало время удара смелого, время посрамления врагов его» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 136]. «Рок увлекал его. Господин Голядкин сам это чувствовал, что рок-то его увлекал» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 134].

Голядкин, так же как и Аркадий, и Иван Ильич видит перед собой некую бездну, пропасть, которая тянет вниз, туда, где «был — ужас господина Голядкина, был — стыд господина Голядкина, был — вчерашний кошмар господина Голядкина» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 146].

Но в отличие от господина Голядкина, двойник Ивана Ильича — это результат коварного действия шампанского. Вино ослабляет самоконтроль, показывает истинные свойства характера, которые обычно сдерживаются общепринятыми рамками благовоспитанности: «не обладая некоторой сдержанностью, человек в обществе может оказаться почти нестерпимым. Сношения с таким человеком никому не могут доставить удовольствия; он является источником постоянных неприятностей для тех, которые его окружают» [Правила, 1889, с. 7]. Шампанское, как «сыворотка правды» подтверждает древнюю мудрость — истина в вине.

И ведь мелькнула же в сознании Ивана Ильича, затуманенном еще только «пятью-шестью бокалами шампанского» мысль: «я был пьян». «Никогда не буду пить. С вечеру наболтаешь, а назавтра раскаиваешься» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 11].

Список литературы

1. Белинский, 1991 — *Белинский В.Г.* Александровский театр // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 114–141.
2. Гиляровский, 1989 — *Гиляровский В.А.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1989. Т. 4. 448 с.
3. Гоголь, 1951 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 6. 1951. 921 с.
4. Давыдов, 1964 — *Давыдов Н.В.* Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX века: сб. статей. М.: Московский рабочий, 1964. С. 6–67.
5. Деханова, 2024 — *Деханова О.А.* «От него пахнет; он неряха». Неопрятность как художественная деталь // Достоевский и современность. Материалы XXXVIII Международных Старорусских чтений 2023 года. Великий Новгород, 2024. С. 16–25.
6. Джонсон, 2004 — *Джонсон Х.* История вина. М.: ВВРГ, 2004. 480 с.
7. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Достоевская, 1981 — *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1981. 518 с.
9. Мельников, 1963 — *Мельников П.И.* (Андрей Печерский) Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1963.
10. Михельсон, 1912 — *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб.: Тип. Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1912. 1046 с.
11. Писарев, 2000–2013 — *Писарев Д.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: Наука, 2000–2013.
12. Подосокорский, 2009 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 177 с.
13. Подосокорский, 2010 — *Подосокорский Н.Н.* Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 182–191.
14. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Книга Ж.Б.А. Шарраса о Ватерлооской кампании в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 128–147.
15. Подосокорский, 2025 — *Подосокорский Н.Н.* История в творчестве Ф.М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сюжет // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 273–391. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0779-3-273-391>
16. Правила, 1889 — *Правила светской жизни и этикета. Хороший тон.* СПб.: Тип. В.А. Тиханова, 1889. 413 с.
17. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
18. Толстой, 1855 — *Толстой Ф.М.* Двукратное проклятие Наполеона Первого. СПб.:

Изд., книгопродавецъ В. Исаковъ. 1855. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_f_m/text_1853_dvukratnoe_olderfo.shtml (дата обращения: 7.06.2025).

19. Филимонов, 1837 — Филимонов В. Обед: Поэма. СПб.: Тип. Л. Снегирева. 1837. 145 с.
20. Яновский, 1990 — Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: сб. статей. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 230–251.
21. Annales, 1888 — Annales de la propriété industrielle, artistique et littéraire. Paris, 1888. V. XXXIII, № 12.

References

1. Belinskii, V.G. “Aleksandrynskii teatr” [“Alexandrinsky Theatre”]. *Fiziologiya Peterburga* [The Physiology of Petersburg]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 114–141. (In Russ.)
2. Giliarovskii, V.A. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Collected Works: in 4 vols], vol. 4. Moscow, Pravda Publ., 1989. 448 p. (In Russ.)
3. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols], vol. 6. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1951. 921 p. (In Russ.)
4. Davydov, N.V. “Moskva. Piatidesiatye i shestidesiatye gody XIX stoletii” [“Moscow. Fifties and Sixties of the 19th Century”]. *Ushedshaia Moskva. Vospominaniia sovremennikov o Moskve vtoroi poloviny XIX veka* [Gone Moscow. Memories of Contemporaries about Moscow in the Second Half of the 19th Century]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1964, pp. 6–67. (In Russ.)
5. Dekhanova, O.A. “‘Ot nego pakhnet; on neriakha’. Neopriatnost' kak khudozhestvennaia detal'” [“‘He Smells; He's a Slob.' Sloppiness as an Artistic Detail”]. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXXVIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2023 goda* [Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 38th International Readings in Staraya Russa 2023]. Veliky Novgorod, 2024, pp. 16–25. (In Russ.)
6. Johnson, Hugh. *Istoriia vina* [History of Wine]. Moscow, BBPG Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
7. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Dostoevskii, A.G. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1981. 518 p. (In Russ.)
9. Mel'nikov, P.I. (Andrei Pecherskii). *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1963. (In Russ.)
10. Mikhel'son, M.I. *Russkaia mys' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii*. [Russian Thought and Speech. One's Own and Someone Else's. Experience of Russian Phraseology]. St. Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1912. 1046 p. (In Russ.)
11. Pisarev, D.I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 tomakh* [Complete Works and Letters: in 12 vols]. Moscow, Nauka Publ., 2000–2013. (In Russ.)
12. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [Napoleonic Theme in Dostoevsky's Novel The Idiot: PhD Dissertation]. Veliky Novgorod, 2009. 177 p. (In Russ.)
13. Podosokorskii, N.N. “Ob istochnikakh rasskaza generala Ivolgina o Napoleone” [“On the Sources of General Ivolgin's Story about Napoleon”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 182–191. (In Russ.)

14. Podosokorskii, N.N. “Kniga Zh.B.A. Sharrasa o Vaterlooskoi kampanii v romane F.M. Dostoevskogo ‘Idiot’” [“Jean-Baptiste-Adolphe Charras’s Book on the Waterloo Campaign in Dostoevsky’s Novel *The Idiot*”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 128–147. (In Russ.)
15. Podosokorskii, N.N. “Istoriia v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Kak istoricheskie reali sozdaiut v khudozhestvennykh proizvedeniiakh dopolnitel’nyi siuzhet” [“History in Fyodor Dostoevsky’s Works. How Historical Realia Create an Additional Plot in Works of Fiction”]. Kasatkina, T.A., editor. *Avtorskie teorii tvorchestva [Authorial Theories of Art]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 273–391. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0779-3-273-391>
16. *Pravila svetskoi zhizni i etiketa. Khoroshii ton [Rules of Social Life and Etiquette. Good Manners]*. St. Petersburg, Tip. V.A. Tikhanova Publ., 1889. 413 p. (In Russ.)
17. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh [Complete Works: in 10 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
18. Tolstoi, F.M. *Dvukratnoe proklatie Napoleona Pervogo [The Double Curse of Napoleon the First]*. St. Petersburg, Izd. Knigoprodavets V. Isakov, 1855. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_f_m/text_1853_dvukratnoe_oldorfo.shtml (Accessed 7 June 2025). (In Russ.)
19. Filimonov, V. *Obed: Poema [Dinner: A Poem]*. St. Petersburg, Tip. L. Snegireva Publ., 1837. 145 p. (In Russ.)
20. Ianovskii, S.D. “Vospominaniia o Dostoevskom” [“Memories of Dostoevsky”]. *F.M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov [Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 230–251. (In Russ.)
21. *Annales de la propriété industrielle, artistique et littéraire*, vol. 33, no. 12, Paris, 1888. (In French)

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Одобрена после рецензирования: 12.05.2025

Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 08 Feb. 2025

Approved after reviewing: 12 May 2025

Date of publication: 25 Dec. 2025